

А. Мельчаков

Моя служба в ракетных войсках

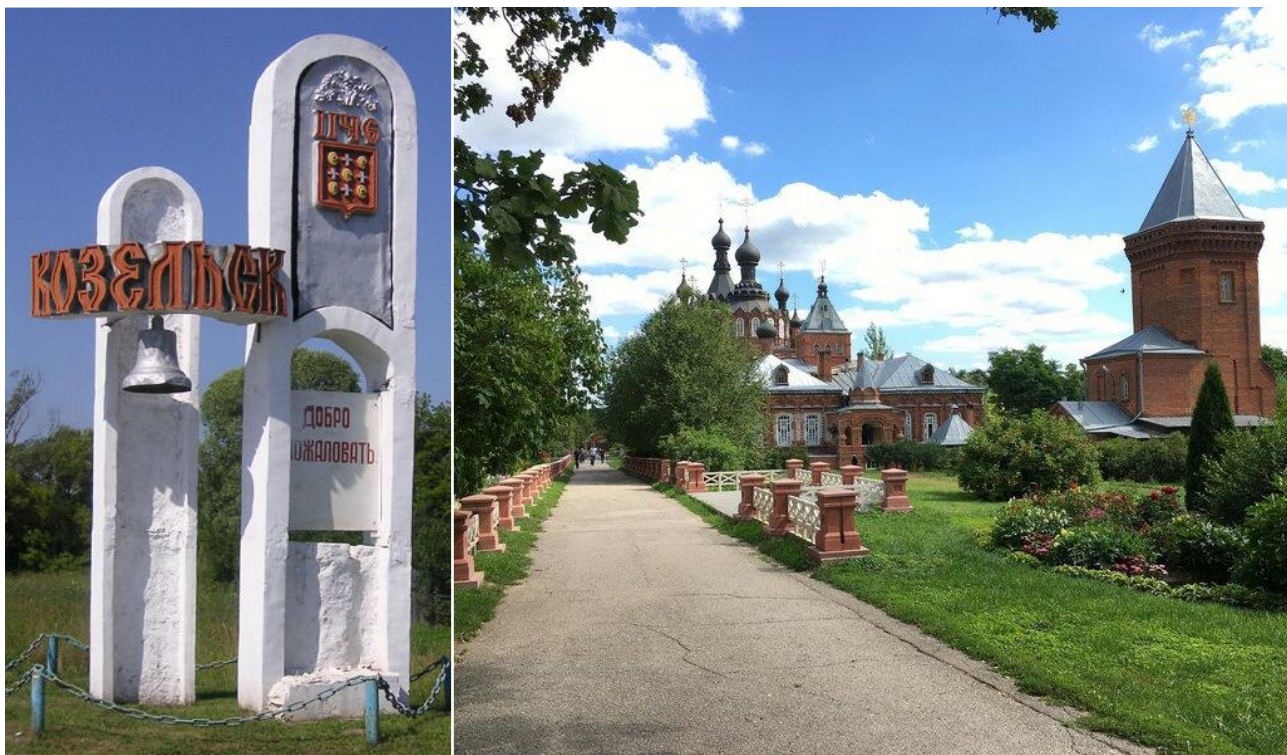
ПРЕДИСЛОВИЕ.

Ракетные войска Вооруженных Сил России являются надежным щитом страны. Так было и во времена Советского Союза. Ветеран труда, уроженец Кировской области Андрей Евгеньевич Мельчаков делится своими воспоминаниями о службе в Советской Армии в 1964-66 годы.

Его рассказ о прохождении службы в ракетной дивизии, о быте, досуге и межличностных отношениях солдат будет интересен не только тем, кто уже давно пополнил ряды воинов запаса, но и призывникам, начинающим свою армейскую службу. С долей иронии он вспоминает о курьезных и порой юмористических случаях, но в то же время мы узнаем, насколько ответственна, опасна, а иногда и трагична была служба «регламентчиков» ракетно-технической базы.

Место службы - Козельск.

Козельск, небольшой городок в Калужской области, одно из древнейших русских поселений, первое упоминание о котором относится к 1146 году. Недалеко от города находится знаменитая Оптиная пустошь с действующим монастырем. Прославился город во времена татарско-монгольского ига. Козельчане долго держали оборону против полчищ татар. Сейчас ему присвоен статус города «Воинской славы».

Современный Козельск. Фото из открытых источников.

А так, в 1964 году ничем не примечательный, провинциальный городок с одной центральной улицей вдоль реки Жиздры (приток Оки), одно ПТУ, кинотеатр, маленький стекольный заводик, ремонтно-механический завод. Здесь и располагался штаб ракетной дивизии и жилой городок офицерского состава. Вот сюда я и прибыл 11 ноября 1964 года на дальнейшее прохождение службы.

(Гвардии рядовой А.Мельчаков)

Свое повествование о Даурии я закончил тем, что еще с 11 сослуживцами был отправлен в Московский военный округ. Обратная дорога на Запад ничем особенным не выделялась, разве что большими неудобствами, майор, который нас сопровождал, взял только одно купе в плацкартном вагоне на 12 человек, и тут я вспомнил рассказ Логинова. Нам по очереди пришлось спать на заплыванном полу, вагон чистотой не отличался. Командировочные по 2 р.50 на сутки быстро закончились,

а кушать хотелось все время. Но, несмотря на скудный денежный запас, на станции Слюдянка на берегу Байкала, мы купили копченого омуля. Лучше бы этого не делали, для местных – это деликатес, а для нас - рыба с заметным душком. По-моему, мы обменяли ее на буханку хлеба. Есть рыбу никто из нас не стал. В Новосибирске майор высадил нас из прямого поезда на Москву, посчитав, что этот поезд шел через Киров, где, по его мнению, четверо кировчан могли сбежать в самоволку и отстать от поезда. Вот такое доверие к лучшим выпускникам части. В Новосибирске мы проболтались около вокзала часов 10. Так или иначе, прибыли в Москву на Курский вокзал 7 ноября рано утром. Комендант вокзала, узнав, что мы из Забайкалья разрешил смотреть парад на Красной площади по телевизору в его помещении. Оказывается он сам в свое время служил в Борзе, в 40 км. от Даурии. До электрички на Тейково сидели в зале ожидания.

К пяти вечера мы уже были в Тейково, где поджидал небольшой автобус, 15 километров пути - и мы к 6 часам вечера уже в расположении новой части. Поместили в небольшой комнате, а затем праздничный ужин, там же сразу концерт. Всегда удивлялся

талантам ровесников, которые классно пели, танцевали, показывали фокусы. Девушки из столовой переоделись, оказались очень симпатичными, довольно мило пели «Черного кота» и другие шлягеры того времени. После недельных мытарств, постоянного чувства голода, мы чувствовали себя вполне счастливыми. Утром неспешный подъем, не успели заправить кровати, появился полковник-командир части и довольно резко нас отчитал. Вот прибыли отличники и такой беспорядок. Потом назвал мою фамилию. Появился заспанный, плотный сержант, несмотря на чистое обмундирование, от него явственно исходил запах солярки. Полковник коротко сказал ему, показав на меня: «Вот твоя замена, завтра введешь в курс дела». Мне же полковник сказал: «Будешь назначен командиром компрессорного взвода». Сержант смотрел на меня с некоторым сомнением, в течение дня появлялись двое или трое ребят посмотреть на нового командира. Но армия есть армия. Утром 9 ноября появился старший лейтенант в сопровождении майора, зачитали список: я, Ваня - бывший ротный писарь и еще трое ребят поехали после завтрака опять через Москву на новое место службы в Козельск. Какими соображениями был обусловлен отбор, лейтенант не пояснил.

В Козельск прибыли поздно вечером и, похоже, нас там никто не ждал. Привели в какое-то холодное помещение, а на дворе стоял ноябрь. В комнате стояли 6 панцирных кроватей без матрасов, ужина в тот день не предложили. Двое из нас были в бушлатах, и они завидовали нам, троим в шинелях. Вспомнилась старая прибаутка, что для солдата шинель - это и постель, и одеяло. Да, на одну полу ложились, а второй закрывались. Наутро пришел старшина, кое-как покормили, старшина повел на работу - таскать кирпичи и всякий хлам в недостроенном помещении. Под вечер сами набрали всякого тряпья, на который и ложились, и им же закрывались. Так прошло три дня, на вопросы старшина отмалчивался, вроде не едут из полков за вами, а на питание вас не ставят.

На третий день встретили лейтенанта, который нас привез и искренне удивился, что мы еще здесь. И тут к нам подошел высокий полковник. Увидев наши голубые авиационные погоны, он удивленно спросил лейтенанта: «А это откуда»? Теперь уже удивился лейтенант: «Так вы же сами приказали привезти из Тейково студентов». Теперь уже полковник кричал: «Так почему они здесь? Старшину сюда! Людей накормить, привезти в порядок». Кормили нас в офицерской столовой, по распоряжению полковника - потом узнали, что это был главный инженер дивизии Бородай. До обеда пробыли в теплой Ленинской комнате, а затем прибыли из полков представители. Со мной беседовал чернявый, подвижный капитан. Он подробно выспросил меня о службе. Поцокал языком, когда узнал, что я ничего не понимаю в радиотехнике. Потом сказал, что поеду с ним в группу регламентных работ, на РТБ дивизии. РТБ - это ракетно-техническая база, которая занимается обслуживанием ракетных полков (подразделений). В КУНГе ехал и Ваня, его взяли в роту связи. Итак, под вечер, я в новой части в группе регламентных работ. После ужина ребята привели меня в кочегарку, с любопытством смотрели на мою авиационную форму, спрашивали про Даурию.

(на фото казарма РТБ)

Утром я огляделся. Часть представляла собой 6 стоящих в ряд финских домиков и через дорогу у маленького шлагбаума – здание штаба с клубом и еще один домик, где квартировала группа связи, все это было огорожено одной ниткой колючки. С другой стороны от шлагбаума, напротив столовой и склада – автопарк, по крайней мере, он был обнесен плотной колючкой, охраняли его дневальные при штыках, но без автоматов. Дежурили в автопарке ребята – кубинцы (ребята, служившие на Кубе в 1962 году), молчаливые и неразговорчивые они терпеливо дожидались дембеля. Жалею, что мало у них выспросил об их кубинском периоде службы. Через месяц на 11 площадке (так мы называли дислокации ракетных полков) я был свидетелем разговора командира полка полковника Богатырева с солдатом. Звали его Мирон. Он ходил за полковником и канючил:

– Товарищ полковник, ну когда Вы меня дембельнете, я уже 4 месяца переслужил?.

На что полковник так ласково ему:

–Тебя, Мирон, за все твои художества, учитывая сколько ты на губе просидел, только к 8 марта демобилизую.

Тогда ходила легенда, что если, солдат сидел на гауптвахте, то этот срок в службу не входит. Потом узнал, что его все-таки отпустили к Новому году. Мирон этот тоже был из «кубинцев». Через день после прибытия в новую часть я пошел вечером проведать Ваню-писаря, все же это был единственный тогда знакомый сослуживец и вот, что произошло. Казармы отстояли друг от друга метров на двести, расположены буквой Г, соединяла их тропинка, а посередине столб с фонарем. Только его миновал, попал в какую-то проволочную спираль, провод оторвался от изолятора. Только взялся за провод, и ударило током. Нигде ни души, током бьет, думаю вот и все, найдут к поверке через час. Встал с трудом, попятился – мысль, как попал, так и выбираться надо. Выбрался, от переживаний трясет. Пришел, дежурному по роте сказал, тот доложил дежурному по части, чтобы еще никто не попался.

Служба в регламентной группе.

Группа состояла из трех отделений. Насчитывала примерно человек 80. Три отделения – два регламентных и одно отделение компрессорщиков, от которых все время пахло соляжкой. Сразу вспомнил Тейково. Как-то пришлось наблюдать за их работой. Компрессоры располагались в кузовах МАЗ-200, были похожи на авиационные двигатели, при запуске выбрасывали клубы черного дыма, а иногда фонтаны распыленной соляжки. После попадания в такой фонтан, отмыться было невозможно. Мне оставалось только поблагодарить судьбу, что я не остался в Тейково. Одежда ребят – компрессорщиков всегда висела в стороне от нашей.

Регламентные отделения. В каждом из двух отделений насчитывалось человек по 20. Командир 1-го отделения капитан Бугаев, тот самый чернявый офицер, который беседовал со мной в Козельске. Виталий Григорьевич был амбициозным, самолюбивым человеком, недаром через 5 лет он станет полковником, командиром части. Отношение к нему ребят было разным, мои друзья его не очень жаловали. Бугаев не стеснялся и в карман гимнастерки залезть, как-то он обнаружил у Юры Корнилова карты, за что выдал ему наряд вне очереди. Так получилось, что недели через три ребята предложили мне выпить спирта в автопарке, я тогда отказался, а Бугаев подслушивал, наблюдая за нами, схоронясь за прицепом. Вот после этого, я вскоре и удостоился почетной обязанности ответственного за спирт. В квартал получали для протирки контактов 6 двадцати литровых канистр. Я должен был ставить на канистры печати и записывать расход в тетрадь. Разумеется, контактам спирт доставался, после изъятия половины в пользу офицеров, ну и ребята тоже не должны были страдать. Нет, выпивохами никто не был, но расслабиться-то надо было. Ну и контакты не были обижены. Чего-чего, а их было великое множество, только на машине ЭБР 22 кабеля с разъемами от 50 до 250 контактов. У меня к Бугаеву было настороженное отношение, хлопот я ему не доставлял, даже из

отпуска явился на день раньше. В начале третьего года службы он буквально заставил меня сделать прибор - анализатор типовых ошибок при подготовке ракеты к пуску. Неожиданно и для меня и Бугаева, прибор получил патент и авторское свидетельство.

Но вернемся к структуре нашей группы. Три машины - агрегат 1-й (Ф405)- Машина ЭБР (эквивалент борта ракеты). В этот экипаж я и был назначен оператором пульта. Начальник машины – старший лейтенант Насибулин. Еще один оператор – Витя Лопехин и водитель уйгур, не помню его имени, неплохой, незлобивый парень, но гордый. Как-то я назвал его узбеком, на что он ответил с вызовом: «Я уйгур, а не узбек». 2-я машина, на ней должны были работать 7 офицеров. Машина была самая сложная, предназначалась для проверки самой ракеты, но я помню только старшего лейтенанта Максимова и лейтенанта Блинова, остальные офицерские должности замещали ребята-студенты и уже окончившие ВУЗы. Офицеров тогда просто не хватало. Третья машина - радионная, то есть агрегат, который проверял радиоуправление ракеты. Начальник - старший лейтенант Грезин и лейтенант Витя Типтюк, по внешнему виду не отличавшийся от нас – пацанов. Командир группы - капитан Хромов, его призвали в армию с должности главного инженера Челябинского радиозавода. Сугубо гражданский человек. Дней через 10 после прибытия в часть, я был дежурным по группе, при его прибытии вытянулся в струнку, как учили в Даурии, командным голосом доложил, он удивленно посмотрел на меня и сказал: «Ты чего кричишь, устал наверно, сядь, отдохни», - и прошел дальше. Но через год, командиром группы был уже назначен майор Савельев, человек после академии, высокообразованный, интеллигентный офицер. Потом ребята писали, что через год после нашего увольнения Савельев был назначен помощником военного атташе в Англии. Кто-то мне в «одноклассниках» написал, что этот мальчик - полковник в Генштабе. В Даурии офицеры были достаточно от нас дистанцированы, здесь же они были все время рядом, понятно, что мы были в курсе их служебных и личных проблем.

(Фото автора: А.Мельчаков – 2-й ряд,3-й слева; в центре – майор Савельев с сыном.)

Встретил я здесь и выпускника Даурской офицерской двухгодичной школы Сашу Григорьева, служил он начальником машины ЭБР во втором отделении. Перед Новым годом мы с ним остались одни на параллельных стволах – шахтах, доработчики торопились домой к праздникам, поэтому мы и сидели в машинах сутками. Саша зашел ко мне в машину и просто сказал, а давай-ка Даурию вспомним. Сбегал он в ночной буфет для доработчиков, но из закуси принес ананасовый компот и хлеб. Растопили снег, для запивки. Дальше дал мне краткую инструкцию, как пить неразбавленный спирт: «Вдыхаешь, выпиваешь, выдыхаешь, запиваешь». Пили из крышек от ШРа, каждый граммов на 150. Я все перепутал, выпил и вдохнул, сжег горло, драло его дня три. После выпивки уснул за пультом, проснулся, а в машине печка нагнала температуру под 50 градусов. Выскочил, умылся снегом, благо в ту ночь до нас дело не дошло. Фокусов больше со спиртным за службу у меня не было и по жизни, да и сейчас отношу себя более чем к умеренным любителям этого напитка. А вообще-то в дивизии, которую поставили на боевое дежурство как раз в ноябре 1964, из 12

стартов было введено только 4, остальные вводились при мне. Машина ЭБР (эквивалент борта ракеты), на которой я был оператором пульта, стыковалась со стартом, с ней можно было проводить все операции, как и с ракетой - от проверки всего стартового комплекса, до тренировки боевых расчетов. Мы практически сутками сидели на стартах, меняясь только на отдых. В машину набивались погреться инженеры – доработчики из КБ С.П.Королева, лично его знавшие, ракету проектировали в нынешнем Королеве, от которого до Козельска всего-то 250 км. Нам было интересно слушать их рассказы, но они отдавали должное нашему умению, иногда спрашивали и наше мнение по поводу неполадок. Это ведь только в кино нажимают кнопку, и вот она пошла, родимая. На самом деле пуску предшествует много манипуляций.

Ребята - студенты, с которыми мне посчастливилось служить, отличались высокой эрудицией, в основном это были ростовчане. Многие из интеллигентных семей. К примеру, был очень интересный парень Снахчъян, он уже закончил ВУЗ, отец - армянин, главный военный хирург округа, мать – грузинка, директор кондитерской фабрики. У них-то уж были возможности не пустить сына в армию, но мать решительно заявила, что ты сынок-мужчина, а мужчины в их роду все отдавали воинский долг. Кстати сам Хачик, так он сам себя называл, считал себя русским. Мой друг, Юра Корнилов, мог бы предъявить документы на отсрочку, но пошел служить. Кстати, Юрий Анатольевич Корнилов - профессор, преподаватель Ростовского технологического университета, кандидат физико – математических наук, до преподавания в ВУЗе был директором металлургического завода, где после окончания института прошел все ступени - мастер участка, технолог, главный инженер. На радио - машине служил Петр Лапшин, отличавшийся критическим умом и язвительным юмором, давал точные оценки сослуживцам, доставалось от него и офицерам. Заводила, юморист в нашей

компании – Хачик - Снахчъян, вот уж кто давал нам всем необходимые, смешные прозвища.

Конечно, я выгодно отличался от них после Даурии выправкой, лучше стрелял, бегал, но в техническом плане мне пришлось осваивать все заново. Вспоминается забавный эпизод. Через неделю, после прибытия в часть, я уже получил оружие. В виду недостатка места, шкафы с оружием стояли прямо в казарме против кроватей, рядом с вешалками. Ночью дежурный по группе объявил тревогу. Одевался я автоматически, а когда поправил на себе шинель и оружие - похолодел. В «строю» стоял я один. Первая мысль – проспал, все уже убежали по расчетным местам, а мне куда бежать? Но тут снова зазвонил телефон, и голос в трубке у дежурного явственно произнес: «Регламенщики! Вы там поднялись или нет? Сейчас сам приду, проверю». Дежурный жалобным голосом закричал: «Ребята, поднимайтесь! Дежурный по базе идет». На кроватях заворочались, народ нехотя начал подниматься с репликами в адрес дежурного: «Кончай орать, а то сапогом громкость убавим». Меня трясло от смеха, а ребята смотрели на меня недоуменно, что это я так соскочил по тревоге.

В Даурии мы стреляли почти каждую неделю, а на новом месте раз в месяц, а то в два. Может это и хвастовство, при первой же стрельбе на 100 метров я выбил из автомата лежа 94 очка. Ближайший по результату-56. Ребята потребовали перестрела, но и во второй попытке результат был приличный – 92 очка. После этого командир группы назначил меня старшим по огневой подготовке, у меня в вещмешке в машине всегда была пара цинков, но, съездив пару раз на стрельбище, ребята заворчали, драить автоматы после стрельб не очень и хотелось. Потом я еще в группе был ответственным за спирт и старшим сапожником. Как-то заместитель командира группы увидел, что я лихо «присобачил» отпавший от сапога каблук, и тут же написал распоряжение по группе.

На кроссе по бетонке на три км. нас обогнал МАЗ, двое ребят к нему прицепились, МАЗ естественно меня обогнал, но надо отдать

должное, перед финишем они меня подождали в кустах и финишировали после. А во второй раз я занял на 3 км. только второе место, о чем свидетельствует до сих пор сохраненная грамота, а первое место занял паренек – Саша Горяинов, который отсидел за сараем весь первый круг, потом выскочил впереди меня. Обидно было то, что он не соизволил извиниться, но за то заслужил от ребят кличку «чемпион». Но все же для регламенщиков главным было умение работать с техникой. За год мои сослуживцы в совершенстве овладели воинской профессией. Мне же заново пришлось все штудировать, сначала дублировать сменщика, а потом и работать самостоятельно. Был рад, что они приняли меня, спустя какое-то время, за своего. Ребята были очень горды, что участвовали в боевом пуске ракеты на Байконуре, старт ракеты находился рядом с Гагаринским стартом, и прошел на отлично. Пуск проходил в мае?, по их воспоминаниям, вся степь была в цветущих тюльпанах.

На Байконуре

Второй пуск нашей ракеты со старта в Байконуре был в начале 1966 года. Ехать с полком должно было наше отделение, но в последний момент решили на нас сэкономить. Расчету из полка не повезло. С самого начала дело не заладилось. Сначала ракету уронили при перегрузке с платформы на тележку. Затем на стартовом столе направили на цель третьим стабилизатором вместо первого, заметили уже перед заправкой. При наборе команд не сняли «арретир» - это стопор, который удерживает гиросприборы. Понадобилось немало времени для устранения проблемы. Ответственный за старт хотел уже отменить пуск, но потом сказал, по словам очевидцев, что хуже уже не будет. Старт состоялся и ракета благополучно ушла и попала в заданный прямоугольник, размером 80 на 120 метров на полигоне на Камчатке но полк получил невысокую оценку. Разумеется, я не хочу сказать, что это произошло потому, что не было регламенщиков, но мы бы там не помешали. К примеру, на

стартовую площадку машину ЭБР притащили на буксире. Все вместе и сказалоь.

В марте 65-го я сдал экзамены на 2 класс, как специалист, а вначале 1966 и первый. За работу по приемке стартов получил награду. Медалью «XX лет Победы над фашисткой Германией» тогда награждали по моему всех, кто тогда служил, но мне и Юре Корнилову ее вручали первым в числе 12 сослуживцев на торжественном построении части. Это запомнилось. Наши с Юрой фотографии были вывешены на Доске Почета в гарнизонном Доме офицеров.

Еще один мой друг-Петр Лапшин удостоился съемкой ролика армейской кинохроники. Он был тоже студент, после окончания ВУЗа

отработал почти всю трудовую жизнь на алмазном прииске «Мирный». Так, что ребята, отлично служившие в армии, не затерялись и на гражданке. Но не все шло гладко. В июле 1965 на базе дивизии проходили масштабные учения. Стартов на дежурстве уже было 9. Разбор проводил маршал Крылов, так я встретился с ним во второй раз. Результаты учений были далеко не блестящие. Из 9 стартов условно ушла со старта только одна ракета и то из полка, который был далеко не лучшим. Причины были самыми разными - от несуразных, вроде как командир полка вместо пароля на подстыковку боевой части дал установку на учебную. Схожесть по звучанию паролей типа «Дуван» и «Диван». Много хлопот доставляла и заправка жидким кислородом, при спешке расчетов при наборе команд, кислород вспенивался, приходилось продувать всю систему и

повторять заправку заново. Оргвыводы были деловыми - тренировки, тренировки и тренировки дежурных расчетов, а поэтому машины ЭБР были все время в работе. Через год учения были повторены, и сбой при запуске уже был только на одном старте.

Солдатские будни.

Были у меня и серьезные неприятности. Как - то, отработав на старте в темноте, мы уехали на базу, а утром нас вызвал «особист». Старт должен был встать утром на боевое дежурство, но при включении, на командном пункте выбило «стойку». Выяснилось, что на стартовом столе были крест накрест соединены два разъема. Их номера 136 и 137 я никогда не забуду. Понятно, что стартовики после нас должны были все перепроверить. Но сама возможность такой ошибки существовала. Понятно, что «особист» злого умысла не нашел, но приказ по ракетным войскам прошел. Наверное, в частях матерились, окрашивая в одинаковые цвета «папу» и «маму» на всех разъемах. Краски ушло не меряно, но в темноте-то все кошки серы, потом, наверное, не допускали перехлеста кабелей. Эти два разъема вполне могли послужить и причиной нашей с напарником гибели.

Месяца через два мы работали на шахте, комплекс завис, не проходили команды. Наконец раздраженный голос в ларинги произнес: «ЭБРовцы спускайтесь под стол, проверьте ваши кабели 136 и 137, доложите». Мы с напарником спустились, глубина шахты 35 метров, залезли под стол, ниже нас только ниша с водой, стыковка была в полном порядке, у стола на стойке подключили связь и похолодели. Голос в ларингах радостно считал 54, 55, а на позиции 58 происходил условный старт, позиция 59 - затопление шахты азотом реально. Мы пытались кричать в ларинги, «так мы же в шахте», но старт нас не слышал, затем переход «земля - борт». Свет в шахте погас, лифтик не работал. И, тогда мы с Витей ломанулись вверх, по скобам. Какая там полоса препятствий, не замеряли, метров тридцать проскочили, но успели.

Спуск в «шахту» . Фото из открытых источников.

Только выскочили в оголовок и «Пышь». Из машины вызвали КП и в выражениях не стеснялись. Минут через пять прибежал начальник старта - майор, весь расстроенный, повторял: «Ребята, что хотите, не докладывайте, а с лейтенанта я шкуру сниму, флягу спирта хотите?». Спирта мы не хотели, у самих в машине 20 литровая канистра для протирания контактов всегда была, но это уж другая тема про спирт, если в чем и не было недостатка в ракетных войсках, так это в спирте.

В июле 1966 к нам перевели расформированную часть из Латвии. Вооружена она была ракетами 8к59, в нее заливали в качестве горючего чистейший спирт. Американцы, узнав про это, объявили тогда эмбарго на поставку высококачественного зерна, из которого его и вырабатывали. Капитан, с которым мы разбирали прибывающее имущество, рассказывал, что после комплекса, в разных шлангах, заглушках оставалось литров 200. После комплекса часть была недееспособна неделю. Вот такая история. Отошли от испуга, майор больше нас переживал.

Шахты с ракетами заполняют азотом для того, чтобы грызуны-мыши и крысы не грызли оплетку кабелей из винила, ну и для того, чтобы предотвратить горение оборудования после реального старта.

В азотной атмосфере огонь гаснет. У американцев в шахте лет тридцать назад взорвалась самая современная ракета «Трайидент», ядерную боеголовку вышвырнуло за километр от старта, а причина короткое замыкание из-за повреждения кабеля грызунами. Вспоминается курьезный случай. На площадках с наземными стартами в МИКах (монтажно – испытательных корпусах) для борьбы с грызунами официально стояли на довольствии 4 кота по одному на каждый угол. К котам был прикреплен солдатик, носивший им довольствие из столовой. Так вот. Как то мы стали свидетелями сцены. Грузный майор-начальник МИКа поднял за шиворот и тряс тщедушного солдатика, в кустиках тот уплетал из судка кошачий обед.

Может какая –нибудь мама, прочитав это, всплакнет, вот де морили солдатиков голодом. Со всей ответственностью заявляю. Наш брат за столом получал армейскую норму, на завтрак -то всегда и маслице и сахарок имелось, да и все, что положено по норме, а то что есть хотелось, так мы росли в это время. Тут и сравнивать нечего с полуголодной студенческой жизнью на первых двух до армейских курсах.

За полгода до демобилизации, мне поручили прочитать короткую лекцию по устройству ракеты 5-ти командирам ракетных дивизий. Представьте мое волнение, когда в машине ЭБР разместились генералы. Машина подстыкована к старту и в процессе рассказа по моей просьбе со старта подключали ту или иную функцию. Рассказывая, я показывал на тот или иной реальный прибор или блок. Я изготовил из картона макет ракеты, которым оперировал, показывая, как ведет себя ракета во время полета. Увлечшись рассказом о блоке БЧДГ (блок четырех демпфирующих гироскопов), - ракета и на старте и в процессе полета подвергается внешним воздействиям, чтобы их компенсировать, и нужен был этот прибор, - так вот один из генералов шепнул соседу: «Афанасьич, ты что-нибудь понимаешь в этой хрени?». Я смутился и тогда генерал сказал: «Ты, парень не смущайся, рассказываешь ты очень интересно, но у нас

голова забита, как вас обиходить, накормить, жизни ваши сберечь, а вот на это, у нас есть инженеры, ну и такие, как ты». Конечно, это были боевые, заслуженные генералы, в основном артиллеристы, ракетчиками их сделали по необходимости. Уходя, Афанасьич сказал: «А что сынок, не хочешь со мной поехать, я тебе хорошую должность определяю, институт заочно закончишь». Я, не задумываясь, выпалил, что я член нашей группы, мол, благодарю за доверие. Генерал знал, что такое боевое братство, не стал настаивать.

На нашей ракете устанавливалась боеголовка огромной мощности: 1,5 мегатонны. Одна воронка от взрыва такой боеголовки на испытаниях была больше полукилометра, а радиус сплошного разрушения 30 км. Охватывало странное чувство, когда поглаживаешь такое белое, блестящее с красными полосками чудовище. Ребята из РТБ, которые их транспортировали и стыковали с ракетой, старались держаться от них на дистанции. Излучение, хоть и слабое, но было. На старуху бывает проруха. РТБешники при очередной стыковке в МИКе не подставили под аппарателю подпорки, и реальная боеголовка рухнула при выдвигении из КУНГа на бетон, раздавив разъемы. Было принято решение о перепайке разъемов на месте. Нас тогда вызвали, какой-то имитатор БЧ на нашей ЭБР был. На боеголовке «сидел» спец с приборами. Увидев, что я поглаживаю боеголовку, сказал: «Ты, парень отошел бы подальше, наследства лишишься». Потом, на активе, командир дивизии Бурмак (прозвище «генерал Бардак»), а вообще-то к генералу в дивизии относились уважительно, с гневом говорил об этом случае: «Вы хоть представляете, если бы это взорвалось в центре России, никакой войны не надо было бы». Но регламенщики, не так часто с боеголовками контактировали, наши дозиметры не регистрировали опасных доз. Не хотелось об этом писать. Секрета большого нет. Из рассуждений, а было это или нет. Или очередная легенда. Как-то были в полку с шахтным вариантом. Три ствола. В одном уже располагалась ракета с боеголовкой. На третьем работали мы, а во второй установщик бережно опускал ракету. Величественная

картина. Ракета нависла над шахтой во весь 25-метровый рост, белоснежная, с красными лючками, она сияла на солнце. Мы восхищенно наблюдали за процессом. И тогда красивый, седой каперанг-военпред, отслуживший ценз на атомной подводной лодке с усмешкой сказал: «Какие вы еще щенята, ребята. В принципе ничего не надо этого, ни ракет, ни подлодок, ни самолетов. Давно наши ребята разнесли по американским городам переносные атомные бомбы, к каждой приставлен наш надежный человек. В нужный момент введет команду». Мы огорошено молчали. Потом спросили: «А что, америкацы, нас глупее? То же самое они могут сделать»? Последовал ответ: «Могут, но их людям трудно у нас жить. Быстро вычислят». Потом, поняв, что сказал лишнее, сказал, что вы ведь не будете трубить об этом на каждом углу. Мы и не трубили.

Лет 10 назад на телеканале «Рамблер», сейчас он заменен на РЕН ТВ, шла передача «Военная тайна» с Игорем Прокопенко. У него был собеседник - экс генерал-лейтенант КГБ. Ведущий спросил, а зачем наш президент ездил на ранчо к Бушу? Последовал ответ и я замер. Ответ привожу дословно: «Буш спрашивал у нашего президента, а где из 169 переносных ядерных зарядов еще 5?». Потом генерал засмеялся и сказал, что дальше содержание разговора президентов, ему не известно. Важно то, что тогда у США не было шансов выжить.

Наша служба была вкладом в ядерное равновесие и обеспечивала мирную жизнь. А были заряды или нет, пусть выяснят историки.

Быт и досуг.

Интересен был наш быт. РТБ временно размещалась в 8 финских домиках в 15 км. от Козельска. В части после 17 часов оставался один дежурный офицер. Рядом с колючкой была большая поляна, вроде, как стадион, там самозабвенно играли в футбол. В километрах двух от части – деревенька Волоковые, что ли? Однажды ребята – грузины ушли туда раздобыть самогона, один из них рыженький, тщедушный пытался добиться любви у местной девушки, повредил ей ногу. Родственники девушки пришли в часть, дело уладили, ребята

выплатили 800 рублей, по тем временам деньги приличные, а потом ходили и косили ей сено. На утренних построениях командир части майор Белкин вполне серьезно говорил: «Вот наши молодцы, от службы время отрывают, сено косят, опять же деньги заплатили, так стоит любовь такая всего этого?».

Белкин был очень интересным человеком. Невысокий, полненький, чем-то похожий на Наполеона, любил щегольнуть чтением стихов: «О, Жанна Тье, о Жанна Тье, ты перекрыла путь к войне». Жанна Тье - французская героиня. Любил разные афоризмы. Однажды на картошке, пятеро ребят с однозначной репутацией, напились, и Белкин их застучал. Четверо кинулись в кусты, а один, Зайцев, остался и доложил: «Товарищ командир, а мы выпили». Утром на построении Белкин вызвал всех пятерых из строя и с гневом говорил, представляете, вчера вот эти трусы сбежали, и только один честный человек доложил, что он выпил. Затем четверо получили по трое суток, а Зайцев три наряда. Потом все хохотали, Зайцев бежать просто не мог, так был пьян. Но если серьезно, Белкин был хорошим командиром, в части были люди и выше его по званию, но командирство Белкина не оспаривалось.

Когда были в части, а это было не так часто, после отбоя мы, 4-5 человек, запирались в учебном классе - мосол мяса, шмат масла, булка белого хлеба – от земляков моих друзей - ребят ростовчан, ну и, чуть - чуть разбавленного спирта. А затем захлеб читали стихи. «Серебряный век» - Белый, Блок, Бальмонт, Северянин, Мандельштам, Хлебников, Гумилев. Конечно, поэзия 30-х, 40-х - Багрицкий, Майоров, Коган. Любовь к поэзии у меня осталась на всю жизнь, поставил перед собой знать стихи 100 поэтов и почти ее достиг. Из полутора сотен сонетов Шекспира в переводе Маршака выучил 106, но потом нашел другие варианты перевода одного и того же сонета – шесть переводчиков и каждый вкладывает свой смысл, понял, что лучше бы читать Шекспира в оригинале, но увы – мой английский оказался не столь совершенен. Петр Петрович Лапшин на пенсии пишет стихи. Его стихи публикуются на «Поэмбуке». Юрий

Анатолевич написал очень грустное стихотворение о нашем возрасте, когда вспомнишь кого –нибудь, а его уже нет. С ним мы часто общаемся по Скайпу. В год они с женой раз шесть-семь путешествуют в разные страны и он обязательно отправляет мне свои литературные и художественные впечатления о путешествиях. Эти рассказы еще и иллюстрация того, что можно сравнительно не за большие деньги путешествовать по миру. А тогда мы были молоды, романтичны, жизнелюбивы. Наша служба сопряжена с самым передовым по тем временам оружием. Что еще желать. Вся жизнь была впереди.

Что еще о нашей жизни. На стартах, в период ожидания определения и устранения той или иной неисправности, по ларинговой связи соревновались экипаж на экипаж в знании стихов наизусть. Я на спор выучил «Евгения Онегина» за три недели. Читал при всем отделении, а роман держал в руках командир отделения. Были вахты, когда мы общались экипаж на экипаж по латыни. На новый 1966 год нас уже перевели на постоянную, оборудованную базу. Но, старую, без удобств, вспоминали с теплотой. Ролики новой базы выложены на сайте дивизии. В отделении имелся автомобиль с КУНГ-ом (кузов унифицированный, герметичный, утепленный), в котором вместо приборов стояли кресла. Раз в две недели ездили в кинотеатр в Козельск, в драмтеатр в Калугу, до неё было 120 км. Там же в кафе отмечали коллективный день рождения с кофе и мороженым. Прикладываю фотографию моих друзей во время этой поездки Снахчьян и Корнилов.

Видно, что ребята дурачатся, это мы у Калужского драмтеатра, где смотрели пьесу Островского «Светит, да не греет». Главную роль исполняла очень красивая актриса. Ездили и в известные места Калужской области, в частности в музей - героя комсомольца Анатолия Шумакова в г. Людинове. Есть в Калужской области и небольшой город Киров. И еще. В который раз пишу о дедовщине, то есть о ее отсутствии в мое время. Разумеется в часть я прибыл после годичной армейской школы уже не «молодым» солдатом, в известном смысле за себя мог постоять, но в этом не было необходимости. Помню лишь эпизод, когда повздорили грузины с осетинами. Тех и других было много. Ездили мы в Козельск на знаковый тогда фильм «Человек-амфибия». В нашем КУНГе были ребята и из других рот. Помнится, что все были под впечатлением от просмотра и как-то не обратили внимания, что два парня стали толкаться. Уже на базе выйдя из КУНГа они сцепились, их тогда разняли, но после ужина раздался топот, ребята – грузины из автороты, где их было порядочно, бежали разбираться с ротой на первом этаже. Помню, что старшина нашей роты всегда добродушный Леша Полищук, тоже

студент из Одессы, встал в дверях и, показав добрый кулак, произнес что – то вроде « Кто туда сунется...» и повертел кулаком. Желающих не нашлось, а там пробежав вокруг казармы раза, три пыл угас. Как-то большого внимания у начальства инцидент не вызвал, да и продолжения не имел. Кавказцы де люди вспыльчивые, ну погорячились, что теперь с этим делать. Вообще на базе было много национальностей: узбеки, уйгуры, тувинцы, осетины, грузины, да разве всех и перечтешь. Был паренек-тувинец, здорово играл в футбол и на гитаре часто пел Есенина, ребята заслушивались.

Кто служил в армии, тот видел жизнь.

В жизни даты часто пересекаются. Вот и у меня. В отпуск я приехал в Киров 25 ноября 1965 года! Ровно спустя два года после призыва. Мой курс был на длительной практике, знакомых в институте я не встретил. Зато зам. декана Б. Стариков очень подружески ко мне отнесся. Ему, не служившему в армии, было очень интересно со мной пообщаться. Он незамедлительно распорядился оформить для меня справку о том, что я был студентом. На основании этой справки я и демобилизовался раньше. Еще одно. В вагоне из Москвы до Кирова со мной ехал «дембель», такой уже взрослый сержант. От Котельнича он не находил себе места. И вот вокзал, сержант выскакивает на перрон, с криком «Саша!» к нему на шею кидается очень статная, рослая под стать ему девушка, он тоже кричит: «Лида!», рядом стоят, видимо, отец и мать в белом платке. Все плачут. А я вспомнил сцену призыва и прощания на этом же месте ровно два года назад. В отпуске Саша не был, так что три года разлуки - и вот такая встреча. Дома я был недельку из 10 дней. Лузянам знакомо, как это добираться через реку у Лальска и потом обратно, эти 70 километров от Лузы до Вымска и обратно. Боясь опоздать в часть, я умудрился приехать на сутки раньше.

В памяти всегда остаются или значимые события, или трагические. 9 Мая уже 1966 года, после торжественной части,

большая часть отдыхала на поляне на берегу реки Жиздра. Теплый был день, солнечный, вернулись к обеду и построение. Ассоциация с Даурией. Снова построение, перекличка. В транспортной роте не пришел в казарму грузин Атадзе. Парень был здоровый, рассказывали, что один затащил в казарму на себе 100-килограммовый шкаф. Потом выяснилось, что когда пошли от реки, он шепнул земляку, что быстро купнется и бегом догонит. На другой день водолазы нашли тело, у этого здорового парня не выдержало сердце в холодной воде.

В начале моего появления в новой части где-то через неделю, я увидел у штаба шестерых очень бледных ребят буквально с меловым лицом. Рассказывали, что эти шестеро вечером пошли «курочить» радар для каких-то своих поделок, и в этот момент радар «замолотил», то есть включился. Мощность установки такова, что он отслеживал полет ракеты на 10 тысяч километров. Ребята получили огромную дозу радиации, после госпиталя им всем дали первую группу инвалидности и отправили на гражданку, сколько они там прожили неизвестно.

Пишу это исключительно для того, чтобы знали, что в мирное время смерти в армии в большинстве случаев случаются из-за собственного разгильдяйства и нарушениях Уставов, которые не зря, говорят, написаны на крови и в назидание.

В нашей части нас, пятерых студентов, ну и, разумеется, по всей армии ребят, у которых были справки на тот момент об учебе в ВУЗах, демобилизовали в августе 1966 года по распоряжению Совета Министров, с тем, чтобы могли приступить к учебе с начала учебного года. Конечно, нам всем предлагали остаться на сверхсрочную службу, но это сладкое слово – свобода...

Армейская мудрость гласит: «Кто служил в армии, тот познал жизнь, но не видел юности». Может и так. Конечно три года службы - это многовато, а год явно мало. Наверное, истина где-то посередине. Но я ни разу не пожалел об этом периоде своей жизни.

P.S. Не помню, в какой роте служил паренек родом из Козельска с громкой фамилией – Левитан. Отец его, вроде, был часовым мастером. Паренек оправдывал фамилию, голос у него был звучным – был запевалой в своей роте. Пишу эти воспоминания с надеждой, что кто-то из сослуживцев откликнется. На форуме дивизии, да и в других воспоминаниях провал после нас лет в 15. Нам уже всем за 70. Вот ушел из жизни и Снахчъян из Ростова, самый из нас жизнелюбивый. Нет уже и Виталия Григорьевича Бугаева, о нем есть в интернете добрая статья за вклад в развитие ракетных войск. Знаю, что Козельске живет полковник Максимов, бывший наш зам. командира отделения. У него наверняка есть, что вспомнить о том периоде службы.

А.Е.Мельчаков, капитан запаса.